

**ЗАРУБЕЖНЫЙ
РОМАН**

К СПОРАМ О ЖАНРОВОМ СВОЕОБРАЗИИ РОМАНА Г. ФИЛДИНГА
«ДЖОНАТАН УАЙЛЬД»

Литература, посвященная наследию Филдинга-романиста, достаточно обширна. В 1960—1970-е годы появилось немало интересных исследований о жанровой специфике «комических эпопей», активизировался интерес и к жанровой природе «Амелии». Но первый (по времени написания) роман писателя «История жизни покойного мистера Джонатана Уайльда Великого», стоящий несколько особняком среди крупнейших творений Филдинга, до сих пор остается наиболее слабо изученным в жанрологическом отношении.

В отечественной и зарубежной филдингиане нет специальных работ о «Джонатане Уайльде», в которых рассматривалась бы его жанровая специфика. Между тем исследователи, рассуждая об этом романе, оперируют разными, подчас полярными и взаимоисключающими, жанровыми определениями, хотя, как правило, не обосновывают их.

Жанровую природу «Джонатана Уайльда» иногда характеризуют, так сказать, «от противного», тем самым своеобразно признавая самобытность этого произведения. К примеру, Фредерик Карл, посвятивший свою книгу эволюции английского романа XVIII века, в разделе о творчестве Филдинга не уделяет специального внимания «Джонатану Уайльду», видимо, не считая его романом [14]. Более определенно высказывается Дж. Престон, увидевший в «Джонатане Уайльде» скорее ироническую сатиру в духе Свифта, чем роман [11, 342]. Сторонников такой точки зрения немного, тем не менее их позиция нуждается в рассмотрении. Генезис подобных взглядов понятен. «Джонатан Уайльд» привычно (и вполне обоснованно) ассоциируется со свифтовской традицией: «Путешествия Гулливера» некоторыми авторитетными исследователями [7; 2] не квалифицируются как роман, а на основании этого делается вывод о том, что созданная в русле той же традиции книга Филдинга также не является романом.

Посылка, от которой отправляется Дж. Престон, неосновательна уже потому, что вопрос о жанре «Путешествий Гулливера» является дискуссионным, и в трудах историков литературы более распространен взгляд на эту книгу как на роман; в связи с этим и книги, близкие в жанровом отношении «Путешествиям Гулливера», также считаются романами. Более того, некоторые исследователи (Э. Бейкер, А. А. Елистратова

и др.), полагая, что в книге Свифта «сатира вытеснила роман», отнюдь не сомневаются в романной природе «Джонатана Уайльда Великого». Такова позиция подавляющего большинства авторов, пишущих о Филдинге. Таким образом, споры, в основном, сводятся к тому, к какой разновидности романа следует отнести обсуждаемое произведение.

В получившей заслуженное признание книге о романах Филдинга французский литературовед О. Дижон пишет: «...Жанр, к которому относится «Джонатан Уайльд», — биография воров и бродяг — имел давнюю традицию в Англии...» [8, 43]. Дав одно определение, О. Дижон пишет далее, что автор «Джонатана Уайльда» пародировал биографии преступников, и даже называет два первых романа писателя («Джозеф Эндрюс» и «Джонатан Уайльд») «пародиями» [8, 71].

Итак, в сравнительно лаконичном рассуждении встречаем два различных жанровых определения. Второе из них представляется менее убедительным. Разумеется, элементы пародии — литературной и внелитературной, отдельные пародийные ситуации в этом романе есть. Можно говорить о пародийности «Джонатана Уайльда» [4, 77], но нельзя, думается, объявлять это свойство доминантой в художественной системе романа, как это делает (в несколько иной, правда, терминологии) западногерманский исследователь Барбара Роян-Дейк. Вслед за О. Дижоном и Г. Миллером [16] она обстоятельно исследует пародийные места в романе, выстраивая разнородный ряд объектов пародирования: от жизнеописаний плутарховского образца до биографий преступников XVIII века. Эти наблюдения приводят автора к выводу о том, что «Джонатан Уайльд» в жанровом отношении представляет собой не что иное как пародию [23, 78—83].

На основе текстуального анализа романа с применением количественных методов можно обнаружить, что пародийность не доминирует в стилистической манере всей книги. Можно, однако, и с привлечением традиционных литературоведческих средств доказать неправомерность жанровой дефиниции, предложенной Б. Роян-Дейк. Подчеркнутые западногерманским автором многочисленность и разнородность пародируемых произведений создают представление о какой-то лоскутной, рапсодической пародии Филдинга. Лишенная единого или хотя бы одного главного объекта пародии априорно утрачивает гарантию художественной целостности. К тому же историко-функциональное изучение «Джонатана Уайльда» показывает, что роман в разные времена у читателей, приветствовавших книгу или обрушивавшихся на нее, вызывал самые

живые ассоциации не с какими-либо литературными формами, а с современной социальной реальностью.

Первое жанровое определение О. Дижона («биография воров и бродяг») более популярно: в различных монографиях и статьях «Джонатан Уайльд» Филдинга сближается с художественно-документальными жанрами. «Это смесь факта с вымыслом», — утверждает, к примеру, Дж. Плам, сопоставляющий роман Филдинга с «Дневником чумного года» Д. Дефо уже на том основании (?), что рождение заглавного героя романа отнесено ко времени лондонской чумы 1664—1665 годов [19, XVI—XVII].

Заметим, что еще в восприятии современников Филдинга и некоторых литераторов второй половины XVIII века эта книга не всегда четко дифференцировалась в жанровом отношении от других, более ранних произведений о знаменитом Джонатане Уайльде. Так, родственница Филдинга писательница Мери Уортли Монтегью в одном из писем (1775), вспоминая роман Филдинга, называет его «Мемуары Джонатана Уайльда» [22, 140]. Случайна ли такая неточность?

Формой вымышленных мемуаров в первой половине XVIII века литераторы пользовались очень активно. Во французской литературе история этой формы начинается с анонимных «Мемуаров сира де Понтиса» (1676), а популярной становится она после появления ряда книг Куртиля де Сандра [26; 17]. В английской прозе пионерами этой жанровой разновидности были Мери Менли и Дениэл Дефо, создавший несколько произведений в форме вымышленных мемуаров, из которых наиболее известными и значительными являются «Записки кавалера» (1720).

Между тем отнести роман Филдинга к этому ряду нельзя прежде всего потому, что он написан вовсе не в мемуарной форме. Достаточно вспомнить, что повествование ведется от третьего лица, чтобы осознать неправомерность причисления ее к разряду псевдомемуаров или вымышленных мемуаров.

Современный исследователь Р. Гаррис предлагает более осторожное жанровое определение «Джонатана Уайльда» — «вымышленная биография» [12, 271]*. Действительно, биография — не мемуары, она не требует унитарности точки зрения на изображаемые события, находящей, как правило, свое выражение в повествовании от первого лица и соответственной пространственно-временной организации художественного текста. Однако и Р. Гаррис, подобно некоторым своим пред-

* «Джонатан Уайльд» был напечатан в третьем томе «Пестрых сочинений» («Miscellanies»).

шественникам (М.-У. Монтегью открывает их ряд), не принимает во внимание тяготения к максимальному обобщению, которое определяет идейно-художественную специфику творения Филдинга.

В связи с этим нельзя не прислушаться к самому автору, который писал в предисловии к трехтомнику «Пестрых сочинений»: «...По правде говоря, мое повествование ведется, скорее, о таких поступках, которые он (Джонатан Уайльд. — М. С.), вероятно, совершил или мог бы совершить, чем о тех, что он совершил в действительности, и которые вполне подошли бы к такому великому человеку, как тот, чье имя стоит в названии книги. Второе предупреждение, которое я хотел бы сделать моему читателю, состоит в том, что здесь нет точного портрета самого Джонатана Уайльда, поскольку я не собирался воспроизводить черты какого-либо одного лица. Жульничество, а не жулик — вот моя тема...» [9, 9].

Называть роман Филдинга «биографией» (хотя бы и вымышленной) неправомерно еще и потому, что в книге весьма велик удельный вес авторской иронии, проявляющейся и в авторских отступлениях, и в названиях глав, и в обрисовке персонажей, и даже в пародийных эпизодах и репликах. Не случайно и то, что сам романист в предисловии к трехтомнику убежденно отмежевывается от «того блестящего историка», который создавал «очерк жизни и деяний Великого Человека на основании подлинных бумаг и документов» (имея в виду Д. Дефо)*, и называет свою книгу либо «повествованием», либо так, как назвал он и свои романы о Джозефе Эндрюсе и Томе Джонсе — «историей». Слово «биография», если уж используется романистом в авторской речи, то лишь исключительно в ироническом контексте.

В попытках продемонстрировать близость «Джонатана Уайльда» к художественно-документальным жанрам иные исследователи далеко заходят. Так, один из современных авторов Эндрю Райт, определяя жанровую специфику первого романа Филдинга, пишет: «Джонатан Уайльд» — не роман и не психологическая повесть, это трактат...» [27, 45]. Э. Райт совершенно прав, указывая на обилие риторики в романе; риторика встречается и в авторской речи, и в тирадах заглавного героя, и в монологах Хартфри, а в некоторых главах (к примеру, в трех первых главах первой книги) трактатное начало даже превалирует.

* Как известно, перу Дефо принадлежат два очерка о Джонатане Уайльде: «Жизнеописание Джонатана Уайльда» и «Правдивый и подлинный очерк жизни и деяний покойного Джонатана Уайльда». Из других сочинений такого рода упомянем об одном: [24], см. подробнее [13].

И тем не менее с определением Э. Райта согласиться невозможно. Ни одно, даже самое пространное, авторское отступление Филдинга от повествования, ни один монолог героя не выпадают из основного плана книги. Это комментарий к главному объекту авторского внимания — к судьбе Джонатана Уайльда Великого. Фабульная организация художественного материала в целом не вызывает у подавляющего большинства исследователей сомнений в том, что анализируемое произведение является романом. Что же касается «гибридного» определения «роман-трактат», то оно, на наш взгляд, также неприложимо к книге Филдинга, ибо порождено недооценкой роли авторского вымысла в создании «Джонатана Уайльда Великого» и недостаточным изучением творчества писателя в историко-функциональном плане. Это произведение не только в XVIII, но и в XIX—XX веках никогда не воспринималось читателями и критиками как трактат или сочинение, родственное трактату [18; 22].

Критическое обсуждение различных (порой случайных) жанровых определений, даваемых «Джонатану Уайльду», можно было бы продолжить, но, по-видимому, это малопродуктивно. Думается, что это произведение следует рассматривать в ряду тех романов, которые имеют аналогичную конфликтную природу, поскольку структурную основу литературных произведений, по справедливому суждению М. Б. Храпченко, составляет «конфликт в его определенном выражении» [6, 267].

Такой тонкий читатель и критик Филдинга, как Вальтер Скотт, вовсе не случайно сопоставил первый роман своего великого предшественника с книгой его младшего современника Т. Дж. Смоллета «Приключения графа Фердинанда Фатома» [22, 241] — произведением, жанровый характер которого не вызывает дискуссий среди исследователей: его именуют «авантюрным романом», ставя в один ряд с «Капитаном Синглтоном» и «Роксаной» Дефо, «Кливлендом» аббата Прево. К тому же ряду относят «Джонатана Уайльда Великого» и некоторые современные филдинговеды [20, 292—293]. Такие сопоставления вызваны очевидной жанровой близостью книги Филдинга к просветительскому авантюрному роману.

Исследование множества «авантюрных романов» XVIII века позволяет сделать заключение, что системообразующим признаком для такой разновидности романа в этот историко-литературный период является отношение главного героя к сюжетной цепи ситуаций, где особо важные для судьбы героя события отмечены таким качеством, как «авантюристность» [5].

В романе «История жизни покойного мистера Джонатана Уайльда Великого», несомненно, обнаруживаются существенные признаки «авантюрного романа». Многие события в сюжетной цепи отмечены «авантюристностью» (достаточно вспомнить морские приключения Уайльда или рассказ миссис Хартфри), главный герой во многих случаях выступает как «плут и авантюрист» [1, 275], а действия его весьма активны. Разумеется, были и есть основания у многих исследователей ставить эту книгу в один ряд с «Историей полковника Жака» Дефо и «Графом Фердинандом Фатомом» Смоллета.

Но, несмотря на перечисленные выше признаки, «Джонатан Уайльд» не идентичен в жанровом отношении «Графу Фердинанду Фатому». Даже в количественном отношении события-авантюры в романе Филдинга занимают меньшее место, чем в книгах Дефо, Лесажа или Смоллета. К тому же иронический авторский комментарий к судьбам героев или различным перипетиям их жизни у Филдинга подчас более важен, чем сами по себе события. Не случайно и то, что в книге Филдинга значительно чаще, чем у его современников, тяготевших к изображению «плутов и авантюристов», встречаются иносказания.

Роль иносказаний в художественной системе романа чрезвычайно велика. Современники писателя узнавали в романе не только нравы своего времени, но и конкретные факты политической жизни Англии времен Роберта Уолпола, историю возвышения и падения самого всемогущего Уолпола и многое другое. У читателей последующих эпох картина, созданная пером Филдинга, рождала и другие, новые ассоциации, отвечавшие их социальному опыту. Иносказательная природа многих эпизодов и характеров свидетельствует, что перед нами отнюдь не трактат о соотношении величия и доброты, и к этому произведению нельзя подходить с меркой реалистического нравоописательного романа [15, 123—125].

От многих «авантюрных романов» интересующую нас книгу отличает не только большой удельный вес иносказания. Отнюдь не каждый «авантюрный роман» XVIII века может быть охарактеризован как по преимуществу сатирическое произведение. Книга Филдинга, по мнению большинства исследователей, — это сатирический роман. Действительно, сатира является доминантой во «внутреннем мире» [3] этого написанного в традициях Свифта романа, что и определяет во многом жанровые отличия «Джонатана Уайльда» от других книг, причисляемых историками литературы к «авантюрным романам».

Сильное сатирическое начало не позволяет также отнести «Джонатана Уайльда» к разряду плутовских романов, несмотря на явную пикарескную окраску характера главного героя. Классическому пикарескному роману XVI—XVII веков свойственна определенная эстетизация конкретного героя-плута и плутовства в целом. В романе Филдинга господствует совершенно иная, критическая точка зрения на плутовство «великого человека». Как точно заметила А. А. Елистратова, «типический сюжет плутовского романа вовлекается в орбиту просветительской философии и приобретает совершенно новое качество...» [2, 226] *.

Сатирический характер «Истории Джонатана Уайльда Великого» был подчеркнут еще в 1830—1840-е годы Теккереем. Отвергая романтическую трактовку «ньюгейтских биографий» и прежде всего идеализацию уголовных преступников в «ньюгейтских романах» Дж. Бульвера, У. Г. Эйнсворта и других своих современников, Теккерей отмечал, что «о подобных вещах мог писать правдиво только Филдинг» [10, 408]. Автор «Книги спобов», ясно понимая социальную направленность выдающегося творения Филдинга, восхищался им и называл его «удивительной сатирой» [25, 182].

Даже несколько громоздкая дидактическая часть романа, посвященная истории семейства Хартфри, не противоречит сатирическому замыслу писателя. Ведь первоначальная функция Хартфри (как персонажа) состоит, по словам романиста, в том, чтобы быть «мелкой рыбешкой для щуки», то есть для «великого человека». В дальнейшем Филдинг заставляет читателя взглянуть на Хартфри глазами «великого» Уайльда, а на Уайльда — глазами «глупого» (то есть честного и доброго) Хартфри. Такая система точек зрения, несмотря на иронический авторский комментарий, не оставляет сомнений по поводу собственных симпатий и антипатий Филдинга, которого никак не обвинишь в нравственном релятивизме.

«История жизни и деяний покойного мистера Джонатана Уайльда Великого» была написана тогда, когда в художественной прозе уже шел процесс жанрового взаимодействия и жанровой интеграции. В первом романе Филдинга мы обнаруживаем приметы различных жанров и жанровых форм. Некоторые из этих форм — к примеру, трактат и «авантюрный роман» — как будто бы даже несовместимы друг с другом,

* Нам не кажется продуктивной попытка К. Роусона истолковать главного героя «Джонатана Уайльда» в сопоставлении с Гусманом и Скапеном как традиционного «шута» [21]. Помимо всего, английский ученый смешивает два различных литературных амплуа — «пикаро» и «шута».

и тем не менее присутствие их элементов в книге не подлежит сомнению.

Не что иное, как сатирическая доминанта, помогает преодолеть эту разнородность, а подчас и кажущуюся несовместимость, и тогда бытописание становится предметом пародирования, а трактатные главы превращаются в памфлетные. Именно сатирическая установка, наряду с тяготением к максимальному обобщению, сделала этот, быть может, самый необычный «авантюрный роман» эпохи Просвещения интересным и актуальным для многочисленных читателей XVIII—XX столетий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
2. Елистратова А. А. Английский роман эпохи Просвещения. М., 1966.
3. Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения. — Вопросы литературы, 1968, № 8.
4. Соколянский М. Г. Творчество Генри Филдинга. Книга очерков. Киев, 1975.
5. Соколянский М. Г. О жанровом своеобразии «авантюрного романа» в западноевропейской литературе XVIII в. — Филологические науки, 1980, № 1.
6. Храпченко М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М., 1970.
7. Baker E. - A. The History of the English Novel. Vol. 3. L., 1929.
8. Digeon A. Les Romans de Fielding. Paris, 1923.
9. Fielding Henry. Miscellanies. Vol. 1. (The Wesleyan ed. of the works of H. Fielding). Oxford, 1972.
10. Fraser, 1839, April.
11. Grimsley R. (ed.) The Age of Enlightenment. 1715—1789. Harmondsworth, 1979.
12. Harris W. - R. Reason and Nature in Eighteenth Century Thought. L., 1988.
13. Irwin W. - R. The Making of «Jonathan Wild». New York, 1941.
14. Karl Frederick R. A Reader's Guide to the Development of the English Novel in the 18th Century. L., 1975.
15. Macallister H. Fielding. New York, 1971.
16. Miller H. K. Essays on Fielding's «Miscellanies». Princeton, 1961.
17. Mylne V. The 18th-century French Novel. Techniques of Illusion. Manchester, 1965.
18. Paulson R., Lockwood T. (ed.). Henry Fielding. The Critical Heritage. L., 1969.
19. Plumb J. - H. Foreword. — In: Fielding H. The Life of Mr. Jonathan Wild the Great. New York, 1962.
20. Rawson C. - J. Fielding and Smollett. — In: Sphere of History of Literature in the English Language. L., 1971.
21. Rawson C. - J. Henry Fielding and the Augustan Ideal under Stress. London; Boston, 1972.
22. Rawson C. (ed.). Henry Fielding. A Critical Anthology. Harmondsworth, 1973.